Б. Ф. Поршнев

ПРОБЛЕМА РЕЛИКТОВЫХ ПАЛЕОАНТРОПОВ *

I. Теоретические посылки

Карл Линней разделил род Homo на два вида: Homo troglodytes и Homo sapiens, из которых только второго считал человеком в смысле обладания членораздельной речью и человеческим разумом. Первого же уподоблял человеку лишь в морфологическом смысле, не находя достаточных анатомических оснований для выделения его в другой род. Вид «человек троглодитовый» служил Линнею необходимым звеном для объединения обезьян и «человека разумного» общим понятием приматы: иначе пропасть была бы слишком широкой. Линней не располагал никакими знаниями об ископаемых гоминидах и опирался исключительно на известные ему визуальные данные о живых. Для естествознания XVIII века реальность таких троглодитов Линнея, или сатиров Тульпия, оставалась вне сомнений (см., напр., Ламеттри «Трактат о душе»).

Через 4 года после выхода «Происхождения видов» Дарвина (1859), а именно в 1863 г., Фохт, Гексли и Геккель независимо друг от друга выдвинули и разработали тезис о происхождении человека от обезьяны. А в 1866—1868 гг. Геккель и Фохт сделали следующий шаг: в генеалогическом древе человека между ним и обезьянами они поместили «недостающее звено», не принадлежащее ни к видам низших и высших обезьян, ни к виду «человек». Несомненно, оба знали Линнея и в той или иной мере вдохновлялись им. Материал по ископаемым гоминидам был еще по-прежнему ничтожен, но оба уже ссылались на череп из Неандерталя. Не имея достаточных морфологических данных, и Геккель и Фохт предпочитали определять эту эволюционную ступень прежде всего отсутствием членораздельной речи и человеческого разума: «неговорящий обезьяночеловек» (Геккель), «обезьяночеловек, или человекообезьяна: телом — человек, умом — обезьяна» (Фохт). Две книги Дарвина о происхождении человека (1871 и 1872) были одновременно и аппробацией указанного открытия 1863 года и молчаливым отклонением гипотезы 1866—1868 гг. Однако, последовавшие палеоантропологические и палеоархеологические открытия долгое время шли как раз под этим отклоненным Дарвином знаменем. Казалось, открытие Дюбуа в 1891—1894 гг. наглядно подтвердило прогноз Геккеля — Фохта. Но

* Взгляды Б. Ф. Поршнева на проблему реликтовых гоминид существенно отличаются от взглядов большинства специалистов. Редакция сочла целесообразным опубликовать статью Б. Ф. Поршнева, чтобы ознакомить читателей журнала с систематизированным изложением материалов по этой проблеме.

прошли десятилетия, и идея обезьяночеловека, то-есть существа морфологически более близкого к человеку, чем к обезьяне, однако лишенного речи и тем самым остающегося животным, почти испарилась. Сейчас при находке древнейших ископаемых форм спор идет только в плоскости: обезьяна или человек?

Автор этих строк давно приводит доводы в пользу продолжения линии Линнея, Геккеля и Фохта. Предлагается объединить все ископаемые формы высших прямоходящих приматов на таксономическом уровне семейства. По правилам систематики оно должно быть названо Troglodytidae (или Pithecanthropidae). Это предложение может рассматриваться как развитие систематики гоминид Г. Ф. Дебеца [1]. Однако в это семейство будут включены также и все виды ископаемых прямоходящих высших приматов, которым не приписывается изготовление и использование палеолитических орудий, то-есть и австралопитековые, и различные мегантропы. Главные морфологические отличия этого семейства: от семейства понгид — прямохождение (со всеми коррелятивными фактами), а от семейства гоминид, представленного единственным родом и видом «человек разумный» — отсутствие тех полей и зон коры головного мозга, а также тех артикуляционных аппаратов, которые у нас, людей, осуществляют речевую функцию. Последние по своему значению вполне оправдывают ранг семейства или даже более высокий.

Как легко понять, коренной вопрос тут касается палеолитических орудий: свидетельствуют ли последние о наличии речи у изготовлявших их вымерших прямоходящих существ? Этот вопрос относится к науке психологии, а именно к современной психологии речи и психолингвистике, в свою очередь учитывающей современный уровень семиотики, лингвистики, физиологии второй сигнальной системы. Экспертиза психолога однозначна: для объяснения шаблонности, стереотипности каменных изделий нижнего и среднего палеолита, явного автоматизма психотехники их изготовления, вариаций их набора в каждом данном случае и их эволюционных видоизменений, необходимо и достаточно учесть психофизиологический механизм подражания (имитации). Богатые современные исследования этого механизма на разных уровнях биологической эволюции допускают и гипотезу о его возрастающей силе от низших и высших обезьян к прямоходящим высшим приматам — троглодитидам. Разумеется, механизм подражания осуществлялся у них на основе того или иного наследуемого, т. е. врожденного предрасположения. Но психологическая наука не находит никаких указаний на соучастие здесь внешней, внутренней или интериоризованной речи, напротив, видит основания исключить их участие.

Реконструирована и экологическая основа жизнедеятельности и эволюции представителей семейства троглодитид (питекантропид) в плейстоцене. Это прежде всего развитие плотоядения, то есть питания преимущественно мясом (на фоне всеядности) из тех незначительных зачатков плотоядности, которые налицо у обезьян. Но охотниками, убийцами троглодитиды не были. Заостряемые камни и отщепы служили им только для разнообразных детальных операций по освоению туш или останков животных, не ими убитых.

Все эти констатации заставляют утверждать, что ископаемые представители семейства троглодитид (питекантропид) являются объектом естествознания и только естествознания. Это относится в общем и к той форме, из которой непосредственно произошел «человек разумный» — к палеоантропам. Лишь в позднюю пору мустьерской эпохи археология обнаруживает признаки неких странных преобразований в бытии и поведении некоторых групп этого вида.

[1] Г. Ф. Дебец, О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека, «Краткие сообщения Ин-та материальной культуры», вып. XXIII, 1948.

На долю палеоантропов за время их существования выпали глубочайшие трансформации биотической среды. Ледниковые реки несли к отмелям и устьям все меньше мясной пищи, ибо ее успевали присваивать размножившиеся хищники. Популяции неандертальцев сдвигались ближе к этим хищникам и к стадам травоядных. Развивавшиеся сложнейшие связи с теми и другими были главной причиной колоссального усложнения высшей нервной деятельности и разрастания головного мозга этих удивительных животных. И все-таки эволюция фауны в среднем плейстоцене была для них все более неблагоприятной и привела бы их к потере экологической ниши и исчезновению. Но, согласно представлениям описываемого направления антропологической мысли, они не вымерли. Они остались существовать в принципиально новых экологических условиях, созданных фактом расщепления вида на две формы, в морфологическом смысле дивергентных, в экологическом — симбионтных.

Единственная забота морфологов — констатировать происхождение неоантропов из палеоантропов. Но ныне крупным планом встает и другая задача: исследовать биологические отношения тех и других в процессе отщепления неоантропов, выделить различные этапы этого долгого процесса симбиоза и дивергенции. Это дает новую естественнонаучную основу для подступов к двуединой теме о социогенезе и лингвогенезе. Может быть, любопытство читателей-этнографов будет задето, если сказать, что отсюда открываются пути к новой интерпретации, например, генезиса инициаций и жертвоприношений, «медвежьего» культа и культа «убиваемого царя», принципа «они и мы» в формировании психических общностей и суггестивной функции речи в первобытной психике.

Прервем на этом. Сделанное краткое резюме уже дает представление о сути дела. Автор этих строк привел в печати аргументы философские и биологические, археологические и антропологические в пользу кратко очерченной концепции [2]. Вероятно, главным аргументом явится разрабатываемая им теория генезиса второй сигнальной системы [3].

Все эти построения зиждятся не только на переоценке наличного фонда литературных данных, но и на контрольных зондах в некоторые области эмпирических исследований. Таким зондом, например, явилось обнаружение и экспериментальное исследование автором явления физиологии высшей нервной деятельности, названного им тормозной доминантой [4]. Другой пример — экспериментальное опровержение им укоренившегося в научной литературе мнения о невозможности высекания огня двумя кремнями. Третий зонд такого рода, глубокий шурф в толщу фактов, не находящих места в любой иной схеме антропогенеза —

---

[2] См. работы Б. Ф. Поршнева: «Возможна ли сейчас научная революция в приматологии?», «Вопросы философии», 1966, № 3; «Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук», там же, 1962, № 5; «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», там же, 1955, № 5; «Еще к вопросу о становлении человека», «Сов. антропология», 1957, № 2; «К спорам о проблеме возникновения человеческого общества», «Вопросы истории», 1958, № 2; «Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры», «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2; «О древнейшем способе получения огня», «Сов. этнография», 1955, № 1; «Новые данные о высекании огня», «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXIII, 1955.

[3] Б. Ф. Поршнев, Речеподражание (эхолалия) как ступень формирования второй сигнальной системы, «Вопросы психологии», 1964, № 5; его же, Интердиктивная функция речи, сб. «Проблемы сознания. Материалы симпозиума», М., 1966; его же, Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии, «Вопросы психологии», 1968, № 5.

[4] Краткое изложение этого вопроса представлено автором в докладе VIII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук в Токио (1968).

изучение реликтовых палеоантропов. Этот зонд глубоко связан с кратко описанными выше идеями [5].

Здесь остается добавить, что отсутствие у современных реликтовых палеоантропов мустьерского или какого-либо иного каменного инвентаря объясняется только и исключительно эволюцией фауны: исчезли стада крупных травоядных, пресеклись и передававшиеся подражанием навыки заострения камней; но там, где (как в Средней Азии) дольше сохранялись дикие стада, мустьероподобный палеолит прослеживается до небывало поздних времен.

II. Состояние знаний

В пользу того, что реликтовые палеоантропы — вполне объективный естественный факт, говорит уже сама многократность независимых друг от друга открытий этого явления разными учеными. Я имею в виду прежде всего даже не тех, кто лично наблюдал экземпляры этих существ, а тех, кто пытался на уровне науки своего времени обобщить и истолковать собранные сведения.

Первым поставим имя Карла Линнея, ибо предшествовавшая эпоха зоологии была еще донаучной. Антропологи чтут Линнея за то, что он объединил обезьян и человека в одном отряде приматов, но вслед за его первыми же преемниками отбрасывают, как ошибку, довольно подробно разработанное представление о Homo troglodytes и Homo ferus [6]. Линней основывался на сведениях античных авторов и современных ему голландских путешественников-натуралистов преимущественно с островов Индонезии (Ява, Амбоина и др.). Линней трактовал троглодитов как животных, лишенных членораздельной речи, обволошенных, но в остальном строением тела почти не отличных от человека. Подчас троглодитов на этих островах вылавливают и приучают к выполнению несложных работ, вроде ношения воды. Линней высказывал удивление, что уж если обезьяны привлекают столько любопытства, то, казалось бы, ни один естествоиспытатель не мог бы говорить без изумления «о сих упомянутых нами троглодитах, сходствующих весьма с родом человеческим»; между тем они остаются не изученными, а «какой свет мог бы произойти от совершенного оных животных описания для естествознания». Призыв Линнея на целых двести лет был забыт и даже осмеян, пока снова мы не вернулись на его путь.

Сначала линнеевский троглодит возродился где-то вне естествознания: хотя Н. М. Пржевальский в 70—80 гг. XIX в. во время путешествий по Центральной Азии получил информацию о «человекозвере» (хун-гурэсу), он не сделал обобщения, и только с именем монгольского ученого проф. Ц. Жамцарано в 20—30 гг. XX в. связано начало систематического собирания сведений об этих человекоподобных существах и нанесения их на карту с датировкой наблюдений, что привело к выводу о неуклонном за ряд десятилетий сокращении их ареала в Монголии. Исключено, чтобы К. Линней повлиял на Ц. Жамцарано.

Точно также об «алмасах» Жамцарано (очевидно и о троглодитах Линнея) ничего не знал студент-зоолог В. А. Хахлов, собравший в 1907—1914 гг. сведения, тщательно им анатомически проанализированные, об обитании в Синьцзяне человекоподобных существ, именуемых казахами кши-гыик, которых он в письме, направленном 1 июня 1914 года в Российскую академию наук, окрестил Primihomo asiaticus. Очень весомо то обстоятельство, что Ц. Жамцарано и В. А. Хахлов не только независимо друг от друга пришли к выводу о полной реально-

[5] B. Porchnev, L'origine de l'homme et les hominoïdes velus reliques, «Revue internationale de sociologie», Série II, vol. 2, № 3, 1966.

[6] C. Linnaeus, Systema naturae, 12 ed., Stockholm, 1766—1768; «Карла Линнея „Рассуждение о человекообразных". Пер. И. Тредиаковского», СПб., 1777.

сти описываемых населением существ, но и дали в главных чертах совпадающее описание габитуса, морфологии, поведения этого вида животных. Если и допустить, что это совпадение восходит к бытующим в Центральной Азии рассказам, то уж никак не объяснить фольклором отчетливо проступающие в этих описаниях антропологические признаки ископаемых гоминид: ни необразованное население, ни Ц. Жамцарано, ни даже В. А. Хахлов в те годы морфологии ископаемых гоминид не знали. Когда позже монгольский академик Ринчен, советский зоолог проф. Г. П. Дементьев и другие провели среди населения обширные контрольные опросы, они получили ту же самую, хоть и более обогащенную, анатомо-морфологическую и биологическую картину[7].

Сведения, собранные В. А. Хахловым, а также некоторыми путешественниками по Центральной Азии, послужили побудительным толчком попыткам академика П. П. Сушкина обосновать идею о том, что именно в высокогорных областях Центральной Азии произошла трансформация обезьяны в человека через промежуточную прямоходящую форму[8]. Слишком локально ограниченный характер имевшихся сведений о «диком человеке» послужил причиной ошибочности теорий П. П. Сушкина. Но и К. Линней, и Ц. Жамцарано, и В. А. Хахлов, и П. П. Сушкин безусловно связывали вопрос более с человеком, чем с обезьяной.

Напротив, сначала к медведю, потом все более к неведомой обезьяне, но никак не к предку современного человека тянули весь вопрос западноевропейские исследователи непальско-гималайских данных. И эта ошибка опять-таки в известной мере объясняется локальностью их информации. Этот цикл начинается с 1921 года, но в основном приходится на 50-е годы. Не будем перечислять здесь обзорных сочинений, вышедших из-под пера альпинистов и журналистов. Научно-биологический интерес, кроме полевых записей добросовестного натуралиста Ч. Стонора[9], представляют работы видных западных приматологов В. Осман-Хилла, его ученицы О. Чернин, Б. Хёвельманса, А. Сэндерсона, Карлтона Куна[10]. Они признают гималайского снежного человека доказанным биологическим фактом, но интерпретируют его как некую двуногую высшую обезьяну, сближаемую то с орангутаном или гориллой, то с гигантопитеком, то с какой-то специализированной скалолазающей формой. Отметим, что само понятие двуногой обезьяны противоестественно, так как обезьяна со времен Линнея определяется как «четверорукое». Иные из названных и прочих авторов полагали, что информация свидетельствует о двух или трех разных типах двуногих обезьян, хотя расхождения в информации о росте, окраске шерсти, биотопах замеченных особей могут быть зоологически объяснены и без такой гипотезы. Зато западные зоологи убедительно отсекли «снежного человека» от зоны снегов, где

---

[7] В. А. Хахлов, «О диком человеке» в Центральной Азии, «Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о снежном человеке» под ред. Б. Ф. Поршнева и А. А. Шмакова, вып. 4, М., 1959; его же, Что рассказывали казахи о «диком человеке» (там же); П. Р. Ринчен, Алмас — монгольский родич снежного человека, «Современная Монголия», 1958, № 5; P. R. Rinčen, Almas still exists in Mongolia, «Genus», vol. XX, № 1—4, 1964; G. Dementiev et D. Zevegmid, Une note sur l'homme des neiges en Mongolie, «La terre et la vie», Paris, 1960, № 4.

[8] П. П. Сушкин, Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата, «Природа», 1922, № 3—5; его же, Высокогорные области земного шара и вопрос о прародине первобытного человека, там же, 1928, № 3.

[9] Рус. пер.: Ч. Стонор, Шерпы и снежный человек, с предисл. Г. Ф. Дебеца, М., 1958.

[10] W. C. Osman-Hill, Abominable snowmen. The present position, «Orix», vol. 6, № 2, 1961, Aug.; O. Tchernine, The snowmen and company, London, 1961; B. Heuvelmans, Sur la piste des bêtes ignorées, vol. 1, Paris, 1955 (англ. пер.: «On the track of unknown animals», London, 1958); его же, Oui, l'homme-des-neiges existe, «Science et avenir», Paris, 1958, № 134; T. Sanderson, Abominable snowmen. Legend come to life, Philadelphia — New York, 1961 (рец.: C. Coon, In: «Natural History», 1950, May).

он может появляться лишь спорадически и кратковременно, связав его с совсем иными биотопами.

Для нашего изложения пока важно лишь то, что и на этот раз факт был установлен и подвергнут предварительному биологическому анализу совершенно независимо от предшествовавших открытий того же самого факта на другом локальном материале.

К таким же изолированным и параллельным естественнонаучным истолкованиям собранных у населения сведений можно отнести вывод проф. П. Л. Драверта об обитании в Северо-Восточной Сибири диких безъязыких людей [11].

Нас пока интересует лишь то, что ученые в разные времена и в разных странах на разном местном материале совершенно независимо пришли к весьма сходному оригинальному научному результату.

Более коротка серия случаев, когда зоологи, антропологи или этнографы могли бы сослаться на собственное полевое наблюдение. Но вот и такие случаи. Крупнейший исследователь фауны Кавказа, особенно позвоночных, проф. К. А. Сатунин в конце прошлого века в специальной статье описал свою случайную встречу с самкой «биабан-гули», как называют на юге Кавказа, в Талышских горах обволошенных, бессловесных человекоподобных животных. То, что́ опытный натуралист, по его словам, «ясно» и трезво заметил, совпало с позже собранными им у населения сведениями о подобных существах, о которых, кстати, он до визуального наблюдения ничего не слышал [12]. Старший преподаватель кафедры этнографии и антропологии Киевского университета Ю. И. Мережинский в 1959 г. имел наблюдение, наоборот, подготовленное сбором опросных данных у населения. Дело происходило севернее, но тоже на территории Азербайджанской ССР. Специалист по ночной охоте на кабанов Хаджи Магома обещал Ю. И. Мережинскому свести к месту, где в известные ему дни сезона «каптар» имеет обыкновение купаться в ручье, при условии, что Ю. И. Мережинский сделает снимок при вспышке магния и подарит ему. Речь шла об обитающей в том районе небольшой популяции «каптаров» — альбиносов. Действительно, из устроенной в назначенное время засидки Ю. И. Мережинский на расстоянии немногих метров видел при свете луны выбравшегося через кустарник на берег мокрого, очень худощавого, покрытого с ног до головы белой шерстью «каптара». Однако вместо обещанного фотографирования он захотел тотчас застрелить каптара из револьвера, но от волнения промахнулся. Обманутый старик-охотник с тех пор наотрез отказывается от повторения опыта. Визуальные наблюдения К. А. Сатунина и Ю. И. Мережинского на Кавказе хорошо согласуются между собой, с опросными данными с той же территории и с общей теорией.

А вот наблюдение из мест, весьма далеких от Кавказа, из Маньчжурии, и никак не связанное со сбором опросной информации. Превосходный зоолог и наблюдатель природы Н. А. Байков около 1914 г. глубоко в горной тайге увидел в фанзе маньчжура-охотника прирученного и помогавшего тому «получеловека» — бессловесного, волосатого, сутулого. Выразительные детали, которые мы находим в описании Н. А. Байкова, дают возможность идентифицировать это существо, хотя сам автор ограничился лишь постановкой недоуменного вопроса [13].

Далее следует сказать, что с самых различных мест предполагаемого нами ареала реликтовых палеоантропов имеется информация двоякого рода: 1) от приезжих лиц, образованных (но не являющихся ни зоологами, ни антропологами, ни этнографами), до своего наблюдения

---

[11] П. Л. Драверт, Дикие люди мулены и чучуна. «Будущая Сибирь», 1933, кн. 6.

[12] К. А. Сатунин, Биабан-гули, «Природа и охота», 1899, кн. 7.

[13] Н. А. Байков, Человек-волк, в кн.: «Сказочная быль», Тяньцзинь, б. г.

вовсе не слышавших или почти не слышавших от населения о диких бессловесных волосатых людях, и 2) от местного населения, которое, независимо от образовательного ценза, обычно подозревается в приверженности к преданиям старины.

Наличие первой категории информаторов служит важным контрольным фактом. Как можно было бы подвергнуться влиянию фольклора, если ты никогда его не слышал и не принадлежишь к данной этнокультурной среде?

Вот некоторое количество примеров. Начнем с наблюдений врачей. В XVII в. один из основателей современной медицины голландец Николай Тульпий осматривал выловленного в горах Ирландии юношу и оставил описание его анатомических отклонений, склоняющих нас к выводу, что это был реликтовый палеоантроп. К тому же выводу побуждают сделанные и врачами и прочими наблюдателями описания «мишки-человека», то есть обволошенного бессловесного «хлопца», выловленного в 1661 г. в литовско-гродненских лесах и долго жившего в приручeнном состоянии при дворе польских королей. Еще неоспоримее такой диагноз вытекает из описания, сделанного в конце XVIII в. венгерским врачом из города Брашова. Этот экземпляр был выловлен в трансильванско-валашских лесах и тоже приручен. Врач В. Карапетян осматривал подобное существо мужского пола в 1941 г. в Дагестане. Военный, ныне генерал в отставке, М. С. Топильский описал детальный осмотр совместно с военным фельдшером трупа такого существа, нечаянно убитого в высокогорье Памира в 1925 г. Маршал П. С. Рыбалко в 1937 г. вез несколько дней в обозе своего отряда в Синьцзяне и описал выловленного в камышах «дикого человека». Военнослужащий Г. Н. Колпашников (ныне начальник цеха московского завода) в том же 1937 г. во время боев у р. Халхин-гол в Монголии осматривал и описал два трупа по ошибке убитых часовыми «диких людей». Петербургский востоковед Б. Барадийн в 1906 г. во время экспедиции в Центральной Азии близко повстречал такое существо. В 1905 г., возвращаясь из Тибета, подобную встречу имел английский путешественник Найт. В 1906 г. — английский ботаник Элуис. В 1925 г. в горах Сиккима — итальянский топограф Томбаци. В 1957 г. о наблюдении такого существа на Памире сообщил гидролог А. Г. Пронин. За 15 лет до него художница М. М. Беспалко в другом месте Памира видела такое же существо. Геолог Б. М. Здорик в 1934 г. в Горном Таджикистане натолкнулся на крепко спящий экземпляр. В 1948 г. геолог М. А. Стронин наблюдал в Тянь-Шане экземпляр им спугнутый, бегущий вблизи по склону. В том же году инженер-геолог А. П. Агафонов на Тянь-Шане в киргизской юрте осматривал фамильную реликвию — отрубленную и высушенную кисть «дикого человека», покрытую с тыльной стороны бурыми волосами. Китайский историк проф. Хоу Вай-лу в 1954 г. в горном селении провинции Шэньси видел выловленного и используемого для простейших работ такого «дикого человека». И снова возвращаемся на Кавказ: зоотехник, русская, Н. Я. Серикова в 1956 г., едва лишь переехав на работу в Кабарду и ничего еще не слыхав от населения об «алмасты», однажды увидела экземпляр весьма близко, не могла составить себе никакой идеи об этом существе, но дала его достаточно детальное описание [14].

Эта серия перечислена здесь не для биологического анализа самих наблюдений. Да и достоверность каждого из них по отдельности могла бы быть поставлена под сомнение. Но вне сомнения находится сам факт, что такая серия существует, что никакой связи между собой все эти на-

[14] Все перечисленные примеры почерпнуты из кн.: Б. Ф. Поршнев, Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах, М., 1963 (Ср.: его же, Борьба за троглодитов, «Простор», Алма-Ата, 1968, №№ 4, 5, 6, 7; B. F. Poršnev, Lo stato attuale del problema degli ominoidi regrediti, «Genus», vol. XX, № 1—4, 1964).

блюдатели не имели. Объединяет их тот признак, что все они не могут иметь никакого отношения к фольклору. С точки зрения антропологической все наблюдения не противоречат друг другу и могут быть отнесены к единому симптомокомплексу.

Теперь мы уже логически подготовлены к тому, чтобы сопоставить с этой серией вторую категорию информации — обильные сведения, собранные среди населения различных этногеографических областей. Эти серии к настоящему времени огромны. Каждая запись сама по себе не имеет ни малейшей доказательной и познавательной силы. Если бы мы имели только ее, мы обязаны были бы ее отвергнуть, как бы ни было велико доверие, внушаемое нам информатором. Да, среди записей немалый процент в той или иной мере приукрашен или изуродован фантазией. Но исследователь, анализирующий всю совокупность, неминуемо оказывается перед лицом трех следующих вопросов:

1) Почему в каждой данной этногеографической области показания свидетелей бесконечно расходятся в том, что существенно для фольклора, а именно в сюжете, ситуации и образе и, напротив, сходятся в том, что рассказчику безразлично и даже непонятно — в анатомической и биологической корреляции и совместимости случайно подмеченных деталей?

2) Почему налицо биологическая непротиворечивость между пакетами информации, скомплектованными среди народов самых разных историко-культурных, языковых, религиозных групп? Изменчивы местные названия этих существ, до бесконечности разнообразные, впрочем иногда и сходные у далеких народов вроде «алмасты» (также «алмас», «албасты» и др.), «гульбияван» (также «биабангули», «яван», «гуль» и др.). Но за пестротой названий биолог, антрополог усматривает видовое единство.

3) Почему вся эта огромная серия по сути находится в полном согласии с приведенной серией наблюдений, сделанных людьми совершенно посторонними местным этническим традициям и ничего не слышавшими ранее о подобных живых существах?

Я никогда не слышал от оппонентов ответа ни на один из этих трех вопросов. Здравая логика допускает единственный ответ: действительное существование объекта — реликтовых гоминоидов — в разных областях и в разное время, то есть кое-где уже исчезнувших.

Вывод этот становится еще более непреложным, во-первых, если расчленить всю наличную информацию по отдельным морфологическим или биологическим признакам, во-вторых, если всю информацию картировать и рассмотреть с биогеографической точки зрения.

Например, карточка с рубрикой «шея» отошлет нас к нескольким десяткам документов, где всякий раз оказывается, что шея «короткая», «широкая», «почти отсутствует», «как у летучих мышей» и т. д., что мы сопоставляем с карточкой о посадке головы («подана вперед» и т. п.), и с карточкой «сутулость», где отмечено огромное число шифров. Даже на локальном материале Кабарды этот метод привел к совершенно однозначной реконструкции черепа алмасты, где выступил весь комплекс примитивных признаков ископаемых гоминид [15].

Нанесение всех сообщений на карту и в локальных масштабах и в глобальных дало очень много. Например, выявлены весьма редкие очаги размножения (на Северном Кавказе, в Горном Таджикистане, в Монголии, в Кашгарии), огромные области миграций, обратная корреляция с густотой людского населения. Произведены важные сопоставления с ареалами ряда видов зверей и птиц. Реконструирована гипотети-

[15] Ж. И. Кофман, Предварительные итоги изучения проблемы реликтовых гоминоидов на Кавказе, «АН СССР, Географич. о-во СССР. Тезисы 1-й конференции по проблемам медицинской географии Сев. Кавказа», Л., 1967; ее же, Следы остаются..., «Наука и религия», 1968, № 4.

ческая карта расселения реликтовых палеоантропов в верхнем плейстоцене и голоцене: древнейшим очагом по некоторым данным рисуется северо-восточная Африка и восточное Средиземноморье, откуда было возможно расселение по Африке[16], Европе и Азии[17]. В Азии, в свою очередь, намечается определенная схема расселения от Гиндукуша в юго-восточную Азию, на восток и в северо-восточном направлении. Одно из разветвлений этого последнего приводит нас на Чукотский полуостров и к Алеутским островам — путям переселения в Америку и по ее территории разных видов животных, человека, а вместе с ними и реликтовых палеоантропов. На всех этих грандиозно больших путях и пространствах зафиксированы встречи и наблюдения этих существ в прошлом и настоящем, так же как их описания в памятниках древней письменности, некоторое количество их графических и скульптурных изображений, наконец, редкие принадлежащие, по-видимому, им скелеты и черепа неандерталоидного типа, однако трактуемые классической антропологией как «псевдо-неандерталоидные».

Иные читатели все еще настаивают, чтобы им привели какое-то решающее «доказательство». В глазах специалистов, то есть лиц, длительно изучающих данный вопрос, доказательств вполне достаточно[18]. Они заняты не выигрышем пари, а проникновением в природу данного явления. Но, может быть, для читателя, ждущего новинок, будет интересен фотографический материал, опубликованный в прошлом году в США.

Исследование проблемы «снежного человека» на территории Америки (в Канаде, в Северной Калифорнии, в странах Латинской Америки) имеет свою историю[19]. В печати сведения спорадически появлялись на протяжении сотни лет. Серьезное изучение вопроса началось, как и в нашей стране, с 1958 г. (А. Сэндерсон, затем Т. Слик, П. Бирн). Последние лет шесть в труднопроходимых совершенно безлюдных лесах Каскадных гор и других хребтов Северной Калифорнии ведут поиск и наблюдения несколько групп. Накопленные знания на основе опроса населения о «бигфуте», именуемом также «о-ма» и «сакскатч», изучение его помета и следов позволили все более прицельно концентрировать поиски. Еще в 1965 г. одна из групп опубликовала первую фотографию этого существа, не вызвавшую никакой сенсации. 20 сентября 1967 г. другая группа достигла большего успеха. Она состояла из Б. Гимлина и Р. Пэттерсона, выезжавших на место исследований уже шестой год подряд. Р. Пэттерсон в предыдущем году выпустил книжку об американском «снежном человеке»[20]. Они ехали верхом у горной речки в лесу, когда испугавшиеся лошади сбросили обоих на землю и Пэттерсон, вскочивший на ноги, увидел метрах в тридцати от себя долгожданное животное, которое немедленно и принялся снимать походным киноаппаратом. Это была огромная самка бигфута, ростом свыше двух метров,

[16] Некоторые современные данные по Центральной Африке см.: Charles Cordier, Deux authropoides inconnus machant debout au Congo ex-Belge, «Genus», vol. XIX, № 1—4, 1963.

[17] Этот результат своеобразно перекликается с концепцией широкого моноцентризма Я. Я. Рогинского (см. его кн.: «Теория моноцентризма и полицентризма в происхождении современного человека и его рас», М., 1949).

[18] Ср.: Corrado Gini. Vechie e nuove testimonianze sulla esistenza di ominidi o subominidi villosi, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962; International Committee for the study of the human-like hairy bipeds (Comité International pour l'étude des humanoïdes velus), там же.

[19] Кроме упомянутой монографии А. Сэндерсона см.: С. Р. Варшавский, Неизвестные гоминоиды в преданиях Нового Света, «Материалы Моск. филиала Географич. о-ва СССР. История геогр. знаний и историч. география», вып. 1, М., 1967; Ivan T. Sanderson, Hairy primitives or relic submen in South America, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962; Milenko Juan Jurich, Tarma, El Hombre Salvaje de América, «Genus», vol. XIX, № 1—4, 1963; Robert C. Dorion, Mono apareció por tierras de Izabal, «Genus», vol. XIX, № 1—4, 1963.

[20] R. Patterson, Do abominable snowmen of America really exist? Washington, 1966.

вся покрытая черным гладким волосом. Она сначала медленно отходила, потом побежала все быстрее. Итог: несколько метров удовлетворительно снятой пленки, замеренные для масштаба бревна, попавшие в кадр, залитые на месте гипсом отпечатки ступней длиною 42 *см*. А. Сэндерсон с трудом разыскал в США журнал, опубликовавший 8 разрозненных кадров с его комментарием и созвавший на консультацию ученых экспертов, в том числе приматологов проф. Д. Нэйпира и проф. В. Осман-Хилла [21]. Заключения экспертов выглядят странно: они не нашли ничего порочащего достоверность фильма, но предпочли уклониться от прямого суждения. Мы, советские специалисты, не видели самого главного: движений этого заснятого существа. Облик «бигфута» на кадрах в общем отвечает нашим представлениям, однако и не обогащает их чем-либо существенно новым. Соответственно мы видим в этом фильме не решающее «доказательство», меняющее всю ситуацию, но предположительно шаг вперед в развитии исследований. Новые съемки, надо думать, не заставят себя долго ждать и послужат контрольным материалом.

Признаться, в моих глазах не меньшее, а большее и более доказательное значение имели прошлые успехи в познании анатомии верхних и нижних конечностей реликтовых палеоантропов.

В непальском монастыре Пангбоче среди священных реликвий хранится мумифицированная и частично скелетированная кисть, приписываемая йе-ти. В 1954—1959 гг. с нее были сделаны серии снимков, в том числе в 1959 г. профессором анатомии Токийского университета Т. Огава. Анализ частицы высушенной ткани, произведенный в США, показал, что ее древность — 300—400 лет. На основании изучения фотографий все зарубежные эксперты сошлись на том, что она безусловно гоминидная, но явно отклоняется от нормы современного человека. О том же говорят опубликованные солидно аргументированные заключения двух крупнейших советских специалистов по эволюционной морфологии кисти — проф. Е. И. Даниловой и проф. Л. П. Астанина. Наконец, показано, что отклонения в основном совпадают с таковыми на кисти ископаемых неандертальцев [22]. Одновременно эти исследования вносят коррективы в предположения В. П. Алексеева об эволюции кисти гоминид [23].

Исследования морфологии и моторики нижних конечностей основаны на значительной серии следов, с которых были сняты фотографии, а в некоторых случаях — гипсовые отливки. Особенно большой интерес привлекали снимки Э. Шиптона, сделанные в Гималаях в 1951 году, однако снег плохо фиксирует анатомию, тем более движение стопы, и снимки эти послужили поводом для совершенно ошибочной реконструкции стопы английским антропологом В. Чернецким [24]. Он, а вслед за

[21] «Argosy», 1968, Febr.; продолжение комментария А. Сэндерсона «Argosy», 1968, Apr. Более удачны воспроизведения этих кадров в «National Wildlife», 1968, April — May. См. все указанные материалы в журн. «Знание — сила», 1968, № 8. Ср. D. Kirkpatrick, The search for Big-foot... has a 150-year-old legend come to life on this film? «National Wildlife», 1968, April — May.

[22] Г. П. Дементьев, М. Ф. Нестурх, Б. Ф. Поршнев, Кисть неизвестного высшего примата, «Природа», 1961, № 2 (итал. пер.: в журн. «Genus», 1962, XVIII, № 1—4); Л. П. Астанин, Скелет кисти из Пангбоче ((К вопросу о возможном существовании «снежного человека»), «Ученые записки Ставропольского гос. мед. ин-та», вып. V — «Некоторые вопросы морфологии», Ставрополь, 1962; Б. Ф. Поршнев, Морфологические особенности кисти гоминида из Пангбоче (Автореферат доклада), «Бюллетень Моск. об-ва испытателей природы. Отдел биологический», 1963, № 6; Л. П. Астанин и Б. Ф. Поршнев, Морфологические особенности кисти гоминида из Пангбоче (рукопись находится в редакции «Архива анатомии, гистологии и эмбриологии»).

[23] В. П. Алексеев, Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза (о месте киик-кобинца среди неандертальских форм), «Антропологический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. L, М., 1960.

[24] W. Tschernezky, A reconstruction of the foot of the abominable snowman, «Nature», London, 1960, vol. 186, № 4723, May, 7.

ним и А. Сэндерсон не учли динамику, которой должны обладать пальцы и плюсна палеоантропов и которая может быть реконструирована, между прочим, посредством изучения патологических рефлексов на стопе[25]. Лучшим в мировой серии является фотоснимок свежего следа палеоантропа на глине, сделанный в августе 1963 г. в Тянь-Шане[26]. На основе всей имеющейся серии показано, что отклонения от нормы современного человека соответствуют таковым на стопе ископаемых неандертальцев.

Таковы в кратких словах основные группы современных данных[27].

III. Зоологическое описание

В результате систематизации нашей обширной информации можно дать следующее предварительное описание морфологии и биологии реликтовых палеоантропов[28].

Речь идет о существе ортоградном — прямоходящем, двуногом. Высота в среднем 160—180 *см*, амплитуда крайних вариаций роста примерно такова же, как у человека, но эти отклонения к гигантизму и нанизму наблюдаются в большем проценте, чем у людей. Все тело покрыто волосами длиною 2—8 *см*, но неравномерно, в том числе ягодицы обволошены слабо. Подшерстка нет, между волосами проступает темная грубая кожа. Густота обволошенности, видимо, меняется по сезонам. Детеныши рождаются безволосыми. Кисти и стопы обволошены слабо, а на ладонях и подошвах волос совсем нет. Цвет волос имеет значительные возрастные и локальные вариации — черный, бурый, рыжий, палевый, серый, относительно часты альбиносы. Окраска не всегда одинакова на всех частях тела, отмечается также неравномерное поседение. На лице волос нет (в том числе, как правило, нет бороды и усов), отмечается лишь чрезвычайная густота бровей, иногда редкие волоски вокруг рта, на щеках. Кожа лица темная — от черной и серой до красно-бурой На голове волосы обычно отличаются по цвету от волос на теле. Они также значительно длиннее, но иногда сваляны, иногда ниспадают до плечей или лопаток у особей обоего пола. Половой диморфизм в отношении роста и волосяного покрова умеренный.

Голова, сравнительно с человеком, сдвинута вперед, поддерживается мощными затылочными мышцами. Соответственно шея выглядит короткой и широкой, а голова — прижатой к туловищу. Отмечается выступающий, удлиненный или шишковидный затылок. Лоб низкий, убегающий, надбровья и брови сильно выступающие (даже «как козырек»), соответственно глаза сидят глубоко. Резко проваленная переносица, нос обычно приплюснутый, с вздернутыми ноздрями, хотя в форме носа наблюдаются и вариации. Скулы широкие, выступающие; весьма выраженный прогнатизм; срезанная и мощная нижняя челюсть. Разрез рта шире, чем у человека. Слизистая оболочка губ обычно мало представ-

---

[25] Ср. А. З. Фейзуллаев, Архаическая ступня при патологических процессах в мозгу; ее генез и локализация, Баку, 1939; Н. А. Крышова, Об эволюционном значении положения стопы человека, в кн. «Сравнительная и возрастная физиология», Л., 1968.

[26] Сообщение Б. Ф. Поршнева «Информация о снимке следа неведомого гоминида» была сделана 13 апреля 1964 г. на Секции антропологии МОИП, см. «Бюллетень Моск. об-ва испытателей природы. Отдел биологический», 1965, т. 70, вып. 3, Хроника.

[27] См. также «Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о снежном человеке», вып. 1—4, М., 1958—1959; нем. пер. «Der Schneemensch — Trugbild oder Wirklichkeit? Hrg. von Hans Petzsch», Wittenberg, 1961; итал. пер.: «L'uomo delle nevi. Presentati da Corrado Gini», «Genus», vol. XXI, № 1—4, Roma, 1965. Следующие три выпуска «Информационных материалов» остаются пока в рукописи, 8-й выпуск составляется.

[28] Выше упоминались некоторые труды, в частности работы зоологов В. А. Хахлова и Г. П. Дементьева, где были предложены предварительные описания видовых черт этих животных. Наше описание ни в чем существенном не расходится, но основано на неизмеримо большем материале и потому полнее и точнее.

лена. Зубы при обнажении вполне напоминают человеческие, иногда отмечается, что они крупнее, что более выделены клыки. Уши мало отличаются от человеческих, но отмечается более удлиненная мочка, иногда — несколько большая заостренность (волосатость?) верхнего края раковины. Глаза часто кажутся наблюдателям косыми; есть основания предполагать «третье веко». В общем облике лица выступают то более монголоидные, то более негроидные черты.

Посадка корпуса в общем прямая, но весь плечевой пояс сдвинут вперед, отчего тело выглядит сутулым, а руки — висящими впереди корпуса, особенно во время ходьбы, и поэтому более длинными, чем у человека; в стоячем же положении грудная клетка более выдвинута вперед. У самок очень развитые и очень низко висящие грудные железы, которые они при ходьбе и беге могут закидывать за плечи; вероятное назначение этого — возможность, не останавливаясь, кормить уцепившегося на спине за волосы или поддерживаемого рукой детеныша.

Ноги обычно чуть согнуты в коленях, как и руки — в локтях. Шаг слегка косолапый, покачивающийся, при одновременно качающихся руках. Диморфизм кисти и стопы несколько меньший, чем у человека: противопоставление первого пальца на кисти меньше, чем у человека, так что хватание часто производится набрасыванием всех пяти пальцев на предмет, а на стопе первый палец сохранил самостоятельность мускулатуры и движений, в том числе способность отведения и противопоставления, как и все пальцы обладают высокой степенью раздвигаемости, тыльно-подошвенными движениями, самостоятельной флексией и экстензией в суставах каждого пальца. Поэтому возможна походка на цыпочках, на неполной стопе, возможно вдавливание концевых фаланг в грунт в сдвинутом или раздвинутом положении. Для морфологии стопы характерно отсутствие продольного и поперечного свода. На пальцах ног и рук — ногти.

Локомоция многообразна. Реликтовый палеоантроп способен к чрезвычайно быстрому бегу, сравнимому со скоростью лошади, к скалолазанию, к лазанию по деревьям (за исключением, как кажется, влезания на гладкую жердь, для чего требуется охват первым пальцем), к прыжкам, к плаванию, в том числе даже в очень быстром течении. Он хорошо движется по разному грунту, включая снег (хотя снег для него не типичен). Сидит на корточках и на ягодицах. Лежит на боку. Днем спит лицом вниз либо на животе, либо на коленях и локтях, закинув кисти за затылок. Физической силой значительно превосходит человека.

В возрасте размножения держится временными парами, или самцы, значительно более подвижные, мигрируют на огромных пространствах, а самки прикованы к локализованным районам, где выращивают потомство в раннем возрасте. Рожают одновременно одного-двух детей, весьма похожих на человеческих. Но постоянных логов нет, устраиваются лишь временные лежки, настилы, углубления. Подростки отделяются от матерей и находят особые экологические условия. Пожилые крупные особи после периода размножения держатся одинцами в наименее доступных горных и лесных местах.

Часто отмечается отвратительный, отталкивающий запах.

Вокализационный аппарат очень высоко развит. Различимы весьма разнообразные нечленораздельные звуки: громкий крик, с помощью которого особи находят друг друга на огромных расстояниях, особенно в сумерках и на рассвете, звуки вроде мычания, бормотания, шипения, свиста и т. п. Всякое подобие членораздельной речи отсутствует. Скопление в группы или стада отмечается крайне редко. Никаких орудий реликтовые палеоантропы не изготовляют, но могут бросать камни, перетаскивать их, складывать в кучи (заслон от ветра, запруда), разбивать друг о друга. Огня не добывают, но охотно приближаются к покинутому костру, согреваются золой. Пользуются палками, дубинами.

Пища — растительная и мясная. Выкапывают подземные части растений, едят различные побеги и листья, не говоря о всевозможных ягодах, плодах, орехах; где можно, обирают культурные насаждения — сады, бахчи, огороды, посевы кукурузы, подсолнуха, конопли. В ручьях и водоемах или на суше добывают лягушек, крабов, черепах, улиток, лягушачью икру, едят насекомых и червей, птенцов и яйца. Но еще специфичнее — добывание различных зверьков: пищух, сурков, сусликов, некоторых пород зайцев и других грызунов. Охотно едят падаль крупных животных. Но охотиться на них почти не умеют, если редко убивают, то только бескровно — переломом хребта. Похищают ягнят и овец из стад, поедают последы. По-видимому, ничто не препятствует поеданию и полному растаскиванию останков умерших себе подобных (вследствие чего их никогда не находят охотники).

Ведут преимущественно сумеречный и ночной образ жизни. Используют пещеры, иногда роют себе ямы. В северных областях зимнее время проводят в неглубоком сне с временными пробуждениями или даже в более глубокой спячке. Подготовкой к этому периоду служит осеннее ожирение.

Чуткость, зрение, слух, тактильное чувство, способность не производить ни малейшего шума, затаиваться, ориентировочно-обследовательская деятельность — все это выражено в самой высокой степени. Но, по-видимому, наиболее специфическим свойством нервной деятельности этих существ является феноменальная сила имитативности. Подражание человеку при случайных контактах носит подчас неодолимый, роковой, словно патологический характер. Подлинной виртуозности достигает подражание голосам зверей и птиц. Из других особенностей нервной деятельности можно отметить странную реакцию, напоминающую неудержимый смех.

В отношении человека поведение в общем не агрессивное. Однако в древности в иранских и других армиях такие существа использовались в качестве боевых животных — их умели доводить до страшной ярости на поле боя. Но описанные в новое время прирученные особи обычно смирны и покладисты. С домашними животными, в частности с собаками — отношения антагонизма, вражды. Лошади, коровы их боятся. Напротив, с дикими животными как с травоядными, так и с хищными, отношения весьма контактные.

Пока мы должны ограничиться этими штрихами. Здесь сделаны лишь более бесспорные констатации, а огромный ворох слабее подтвержденных наблюдений оставлен в стороне. Но и в таком виде предлагаемый сводный портрет дает известное представление об объекте наших исследований.

IV. Полевая работа

Десятилетний опыт полевой опросной работы показал нам, что, видимо, самая главная помеха в познании реликтовых палеоантропов — это специфическое отношение к ним поголовно у всех жителей обследуемых районов, включая самых образованных. Вот уже добрых два-три столетия как сначала духовенство, позже люди просвещенные и ученые втолковывали, что их не существует: это — «суеверие», то есть вера «не в то, во что надо». Продукт дохристианской, языческой народной фантазии. Если ты его увидал в лесу или на болоте, на горе или у реки, не верь глазам своим.

Отметим тут любопытное различие между позицией христианства и мусульманства. Последнее не отрицает реального существования «нечисти» — вполне телесной и смертной. Материальное, плотское существование этих существ — наказание, ниспосланное Аллахом на шайтанов, униженных тем до статуса животных и людей. Если для христианина ин-

тересоваться ими — суеверие, то для мусульманина — скорее неприличие. Христианин, вступающий с ними в контакты, подкармливающий их, тем самым — язычник, колдун, а мусульманину это можно делать, но втихомолку, стыдясь гласности. Понятие «нечистоты» палеоантропов тут и там различно. Согласно огромной серии наблюдений, реликтовые палеоантропы отвратительно пахнут, нечисты. По одной из древнейших вавилонских версий легенды о всемирном потопе, Ной взял с собой «дикого человека» в особой клетке и лично его кормил. В дальнейшей разработке это уже «семь пар нечистых».

Все заставляет полагать, что очень многие видели и встречали в природе то, что скромность заставляет считать своей ошибкой и уж во всяком случае не оглашать во избежание насмешек.

Исследователи сталкиваются с этой трудностью на каждом шагу. Легко ли убедить людей, что эти сведения, рассказываемые разве что стариками, да и то шопотом, не противоречат науке, когда их воспитывали на том, что все это — нечистая сила. Снова и снова возникают эти помехи.

Могут быть предложены два способа их преодоления. Во-первых, можно вести разъяснительную работу, доказывая, что дикие волосатые бессловесные жители лесов — не лешие, болот — не водяные и т. д. Во-вторых, наоборот, можно попытаться исследовать и разъяснять, что представления о лешем, водяном и других персонажах такого рода в какой-то мере отразили биологическую реальность. Второй путь правильнее, ибо налицо шкала от полной нереальности, фантастичности образа до полной реальности, стоящей за тем же самым словом; между обеими крайностями — любые промежуточные смеси фантазии и реальности.

Вместе с тем мы подошли тут к основному, даже единственному возражению, с которым встречается описываемое научное направление. Оппоненты настойчиво повторяют, что снежный человек и его аналоги — это фольклор. Однако специалисты вовсе и не спорят с фольклористами. Да, есть фольклор, где признаки изучаемого нами вида животных еле проступают, в основном же образы и представления вымышлены. Но фольклористы почему-то поступают обратным образом: они энергично отрицают биологический факт, хотя, разумеется, это вовсе не входит в их компетенцию. Если мы говорим: есть и реальность и фольклор, они говорят: либо реальность, либо фольклор, а так как фольклор несомненно есть, значит реальности нет[29]. Как сказано, нам не о чем спорить с фольклористами, так как мы не отрицаем ничего лежащего в их сфере. Отражение образа реликтовых палеоантропов в фольклоре, верованиях и мифах может, очевидно, составить предмет обширных исследований и открытий[30].

Все такого рода исследования важны не тем, конечно, что они добавили бы «доказательств» в пользу реликтовых палеоантропов, а тем, что они помогли бы снять своего рода пелену, застилающую путь современным полевым исследованиям и широкому притоку информации.

Экспедиционную работу, проделанную до сих пор, если не говорить о различных спорадических рекогносцировках, можно разделить на 4 группы.

I. Гималайско-непальские экспедиции. Первая специальная экспедиция по данной теме была отправлена в 1954 г. на средства английской

[29] А. З. Розенфельд, О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (В связи с легендой о «снежном человеке»), «Сов. этнография», 1959, № 4. См. также: Н. А. Кисляков, Снежный человек? Нет, легенда! «Литература и жизнь», 1959, 23 авг.; Э. М. Мурзаев, Современный миф о снежном человеке, «Природа», 1961, № 4.

[30] Ср. Б. Ф. Поршнев, Поиски обобщений в области истории религии. «Вопросы истории», 1965, № 7; Е. М. Штаерман, Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961 (рец. Б. Ф. Поршнева на эту книгу см. в журн. «Вестник древней истории», 1963, № 1); Richard Bernheimer, Wild men in the Middle Ages, Cambridge, 1952.

газеты «Дейли мейл» во главе с журналистом Р. Иззардом [31]. Особенно существенно участие в экспедиции зоологов, в том числе Дж. Рассела. В 1956 и 1957 гг. в высокогорном Непале работала английская экспедиция Н. Харди и американская экспедиция, организованная и руководимая Т. Сликом, с первенствующей ролью опытного наблюдателя природы П. Бирна. На средства Т. Слика продолжались экспедиционные работы в 1958—1960 гг. В 1959 г.— японская экспедиция во главе с профессором анатомии Токийского университета Т. Огава. В 1960 г.— завершающая весь цикл авантюра во главе с Э. Хиллари, знаменитым альпинистом, павшим до простого жульничества с подделанным по его заказу «скальпом йе-ти» [32]. В 1961 г. правительство Непала, по-видимому, по настоянию ламаистской церкви, запретило дальнейшие экспедиции. Для всего этого цикла характерно отсутствие не только научной теории, но даже научной гипотезы о природе изучаемого объекта. Непальские склоны Гималаев, как теперь ясно, представляют собою лишь окраину ареала реликтовых палеоантропов и наименее благоприятный для их поисков район.

II. Памирская экспедиция. В 1958 г. Академия наук СССР организовала комиссию, во-первых, для сбора ориентирующей информации по проблеме «снежного человека», во-вторых, для организации экспедиции на Памир. Начальником экспедиции был ботаник проф. К. В. Станюкович. В качестве заместителя председателя комиссии я осуществлял на месте контроль за работой экспедиции. Здесь можно лишь кратко повторить вывод моей пространной докладной записки. Экспедиция фактически изучала не проблему снежного человека, а другие вопросы биогеографии и истории Памира, в составе ее не было ни одного зоолога-маммолога, ни антрополога или приматолога. Полевые дневники не представлены. Вместо научного отчета в печати появилось два исключающих друг друга чисто литературных сочинения начальника и секретаря экспедиции [33].

III. Кавказские экспедиции. Выезды начались в 1959—1960 гг. (проф. А. А. Машковцев, член Географического общества С. М. Лукомский, этнограф Ю. И. Мережинский). С 1960 г. по настоящее время ежегодно выезжает в поле на несколько месяцев член Географического общества, врач и анатом Ж. И. Кофман [34]. Ее исследования проходили сначала в Северном Азербайджане, а в дальнейшем сконцентрированы в Кабардино-Балкарии. Упорный, самоотверженный труд (без какого-либо финансирования) ставит результаты работ Ж. И. Кофман и ее сотрудников на первое место в мире в ряду прошлых и современных исследований. Другой район экспедиционной работы на Кавказе — Южный Азербайджан, где систематически ведется рекогносцировка под руководством проф. Н. И. Бурчак-Абрамовича.

IV. Калифорнийско-канадские экспедиции. С 1961 г. группа, субсидируемая Томом Сликом, перенесла свою деятельность из Непала в Северную Америку. П. Бирн достиг здесь известных результатов, преиму-

---

[31] Р. Иззард, По следам снежного человека, М., 1959 (Предисловие С. В. Обручева); Ч. Стонор, Шерпы и снежный человек, М., 1958; С. В. Обручев, Следы «снежного человека» в Гималаях, «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. 87, 1955, вып. 1; его же, Новые материалы «о снежном человеке (йети)», «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. 89, 1957, вып. 4; его же, Современное состояние вопроса о «снежном человеке», «Природа», 1959, № 10.

[32] B. Heuvelmans, Comment j'ai percé la mystère des scaples du yéti, «Science et avenir», № 169, 1961, Mars; M. Burns, Report on a sample of skin and hair from the Khumjung Ieti scalp, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962.

[33] К. В. Станюкович, По следам удивительной загадки, М., 1965. (Предисловие С. В. Обручева); В. Л. Бианки, Про снежного человека, в кн.: «Приключения в горах», кн. 1, М., 1961.

[34] Ж. И. Кофман, Ответ профессору Авдееву, «Наука и религия», 1965, № 4; ее же, Следы остаются..., там же, 1968, № 4.

щественно в изучении следов [35]. В дальнейшем несколько групп вели рекогносцировочные работы, о недавнем успехе группы Паттерсона и Гимлина сказано выше.

Остается перечислить некоторые спорные вопросы дальнейшей методики исследований. С самого начала, на основе прежнего опыта, надо абсолютно исключить план: приехать на местность и в маршрутах встретить, заметить данное животное. Нет, оно осведомлено о человеке настолько, что случайно нам его не застигнуть. Обладает отличным чутьем и зрением, специально повышенной чуткостью на человека. Ведет сумеречно-ночной образ жизни. Не имеет постоянных лежек и троп. Чтобы сбить со следа, предпочитает ступать на твердое, может ходить пятясь, очень быстро бегает и ходит, изумительно затаивается, может долго голодать, приманку почти не берет. Но в некоторых районах есть люди, знающие прием приманивания и приручения. Основная дискуссия и касается вопроса, что предпочесть: опрос населения о редких, случайных для обеих сторон встречах в целях суммирования крупиц полезной информации, искать ли среди населения глубоко затаенных, редчайших умельцев (в том числе среди части шаманов, колдунов) или допрашивать преимущественно не людей, а саму природу.

V. Послесловие

Статья была уже набрана, когда поступили новые вести из США. Два специалиста, американец А. Сэндерсон и бельгиец Б. Хёвельманс, получили сообщение, что некий Ф. Гансен показывает в этой стране за деньги замороженного «доисторического человека», предположительно происходящего из Восточной Азии. Отчет о предварительном осмотре этого препарата опубликован в бельгийском журнале [36]. Удовлетворительно видный в глыбе льда труп, по мнению А. Сэндерсона и Б. Хёвельманса, был заморожен в рефрижераторе вскоре после умерщвления меткими выстрелами в глаза, по-видимому, несколько лет тому назад. Особь — мужского пола, ростом 180 см., лежит на спине, голова сильно запрокинута, вследствие чего форму черепа нельзя определить. Кроме лица, ладоней, подошв и гениталий, все тело покрыто темнобурыми волосами 7—10 см длины. Шея настолько коротка, что голова как бы втянута в плечи. Пропорции кистей и стоп заметно отклоняются от нормы современного человека, руки несколько длиннее, ноги — короче нормы. Туловище бочкообразно, т. е. лишено сужения в талии. Предварительный (до вскрытия) диагноз Б. Хёвельманса: неандерталец.

---

[35] Peter Byrne, Being some notes, in brief, on the general findings in connection with the California Big-foot, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962. Ценная новинка: J. Green, On the Track of the Sasquatch. Agassiz, 1968.

[36] «Bulletin de l'Institut royal des sciences naturelles de Belgique», t. 45, № 4, 1969.